

ского побережья я разложил внутри его основания, очищенное масло, благовонные травы и красную пату я положил под кирпичом ...Мардук, господин мой, взгляни благосклонно на мои труды, и по твоему повелению ...да сохранится дело, работа моей руки в вечности. Перед Мардуком, моим господином, я склонил выю, я подоткнул платье ...и носил на своей голове кирпич и глину» [1, с. 73–74]. А вот что написал в «Анналах» Синаххериб, царь Ассирии после победы над Вавилоном: «Словно жертвенным баранам, перерезал я им горло, дорогие им жизни их я обрезал как нить. Я оставил кровь их течь по обширной земле, словно воды половодья в сезон дождей. Горячие кони колесницы упряжки моей в кровь погружались как в реку. ...Трупам бойцов их, словно травой, наполнил я землю» [1, с. 63]. Эти цари и их тексты почти современники: Набопаласар – 625–605 гг. правления, Синаххериб – 705–680 гг. правления. Но краткое упоминание о разрушении Ниневии и пространное описание сакральной строительной работы Набопаласара и подробное, приукрашенное описание воинственной жестокости Синаххериба доказывают качественную разницу характера, духа и, в конечном счете, типов двух культур. Проведенный анализ культуры Месопотамии нацелен на раскрытие эвристического потенциала деятельностного подхода как метода типологии культур.

Список литературы

1. Древний мир глазами современников и историков. – М. : Интерпракс, 1994.
2. Заболоцка Ю. История Ближнего Востока в древности. (От первых поселений до персидских завоеваний) / Ю. Заболоцка. – М. : Наука, 1989.
3. Клочков И. С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время / И. С. Клочков. – М. : Наука, 1983.
4. Крамер С. История начинается в Шумере / С. Крамер. – М. : Наука, 1991.
5. Оппенхейм Л. Древняя Месопотамия: портрет погибшей цивилизации / Л. Оппенхейм. – М. : Наука, 1980.
6. Редер Д. Г. К вопросу о юридическом положении рабов по законам Хамурапи / Д. Г. Редер // Древний Восток. – М. : Наука, 1975. – Ч. 1. – С. 230–245.
7. Эпос о Гильгамеше / пер. М. М. Дьяконова. – М. – Л. : Гослитиздат, 1956.

ДИНАМИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ В СТРАНАХ АЗИИ¹

Е.В. Хльщева
(Россия, Астрахань)

В статье анализируется динамика мультикультурных моделей в странах Азии. Теоретически каждая модель представляет определенный путь развития, специфически реализующийся в разных странах. Невозможно предложить единый стандарт для всех, но сравнение такого опыта представляется необходимым для поиска собственных путей.

In this article the author gives the analyse of multicultural models of development in the Asian countries. In reality these models have specific features in each country. That's why we can't suggest any objective standard. But we can compare cultural models in order to find own way of development.

Ключевые слова: поликультурность, мультикультурализм, культурная гомогенность, глокализация, культурная гетерогенность.

Key words: multiculturalism, polycultural development, cultural homogeneity, cultural heterogeneity, globalization.

Столетиями Юго-Восточная Азия представляла собой регион неслыханного этнического и культурного различия. Это самый разнообразный в языковом плане континент. Например, одна только Папуа Новая Гвинея насчитывает 850 обособленных лингвогрупп. Здесь нашли пристанище все виды религий, которые были привезены купцами, миссионерами или колонистами. Местные правила вариативно адаптировали ислам, буддизм, индуизм и христианство как государственные религии, а религиозное многообразие давно уже стало нормой жизни. Многие азиатские общества имеют свои традиции мирного сосуществования разноязычных и поликонфессиональных групп, выработанные еще в доколониальный период и не известные даже на Западе. Управляемое разнообразие – вот ключ к политической стабильности в регионе.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 10-03-0064 За «Чужой и культурная безопасность».

После распада колониальной системы на короткий момент показалось возможным воплотить в Азии западную модель единого государства-нации, так как почти все этнические группы были объединены желанием освободиться от колониального гнета, оптимистично полагая, что новое государство, новая национальная идентичность будет лояльной и сумеет объединить всех граждан. Поэтому первые несколько десятилетий после деколонизации не велся даже разговор о мультикультурализме или плюрализме, так как страны пытались стать гомогенным национальным государством. Однако очень быстро недовольство этносов стало возрастать, причем некоторые этнические конфликты имели столь давнюю историю, что трудно было вообще найти то общее, что могло бы их объединить.

Лидеры меньшинств, члены доминирующих групп стали использовать постколониальное национальное государство как орудие для продвижения собственной идентичности, культуры и экономических интересов в ущерб другим группам. Как бы ни объясняли причины неспособности государства справиться с растущим недовольством меньшинств, Азия в результате засвидетельствовала выход на поверхность проблемы идентичностей. Население мобилизовалось по этническим, религиозным, расовым и культурным линиям и отстаивало свою идентичность, подтверждая права на исторические земли и требуя распределения власти. Примеров тому – великое множество.

Сегодня, когда азиатские государства вплотную столкнулись с этническим и религиозным расколом, насущной проблемой становится поиск достойного пути примирения инаковости. Была выработана новая политика, направленная на успокоение меньшинств, начиная от признания природных прав на Филиппинах, до региональной автономии в Индонезии и Китае, а также мультинационального федерализма в Шри Ланке и Индии. Однако это не решало всех существующих проблем этнических меньшинств, что во многом объясняет интерес к западным моделям развития, активно поддерживаемый западно-ориентированными межправительственными организациями (как например, Мировой Банк) и неправительственными организациями (как Группа прав меньшинств), часто действующими в контакте с местными защитниками прав меньшинств.

Невозможно отрицать западное влияние и продвигаемую западными академическими кругами, правительством и межнациональными организациями модель мультикультурализма. Но, как правило, «чужая» модель не совсем адекватна местным историческим, культурным, демографическим и географическим условиям. Распространение западной культурной модели на страны неевропейского происхождения вызывает массу неоднозначных тенденций. Появляются даже метаполитические проекты возврата к культуре Европы, основанной на универсалистских языческих европейских корнях, не отягощенных христианской интенцией.

Дискуссии на тему воплощения западных моделей на Востоке подняли проблему «азиатских ценностей». Именно несоответствие ценностей сильно затрудняет внедрение западного образца мультикультурализма в восточных странах, ведь если западная либерально-демократическая политическая система основана на идеалах индивидуализма и конкуренции, то восточные общества воспитаны на идеях коллективизма, с большим упором на гармонию, различие и патернализм. Местный (туземный) коллективизм обращается к чувству ответственности, которым обладают восточные люди, будучи членами местных этнических, религиозных или лингвистических общин. Именно локальный аспект отличает восточное мировосприятие от западного, придавая мультикультурализму коллективную форму, с меньшим акцентом на индивидуальном выборе и свободе выхода из группы [3, с. 6].

Кроме ценностного подхода, есть много других препятствий, коренящихся в исторической, географической, демографической и экономической специфике восточного региона. Можно выделить пять тенденций, которые объясняют специфику современного этапа развития азиатских и африканских стран.

1. *Наследие колониализма.* Европейская колониальная политика всегда описывалась как адаптивная стратегия, когда в целях предотвращения недовольства, способного вылиться в открытое восстание, колониальная власть выискивала местных «союзников», как правило, этническое меньшинство, давая им привилегии на образо-

вание, гражданскую службу и военные посты в обмен на поддержку империалистов против любой локальной оппозиции. Более того, колониальные власти всегда вносили недоверие между меньшинством и большинством, чтобы избежать общей борьбы против колонизаторов, а главное дать почувствовать меньшинствам, что они находятся в большей безопасности под властью европейской колониальной администрации, чем под управлением более крупной соседней этнической группы.

В годы независимости доминирующие группы объявили дарованные метрополиями привилегии незаконными, а меньшинства обвинили в наихудшем предательстве. Поэтому привилегии были отобраны, а меньшинства были подвергнуты дискриминации (например, в сфере образования и гражданского обслуживания).

Здесь кроется важное отличие от западной демократии. На Западе, если существует историческая несправедливость, то почти всегда есть меньшинство, которым помыкает большинство, и это помогает признать законным их коренные права и требования. В Азии, Африке и даже в Восточной Европе много случаев, когда доминирующая группа чувствует притеснения со стороны меньшинства, которое сотрудничает с иностранными властями, а потому уменьшение прав этого меньшинства необходимо для исправления такой исторической несправедливости.

2. *Доколониальная иерархия.* Колониальные власти часто критикуются за внесение межэтнических разногласий. Но существует одна веская причина, почему они были в состоянии рекрутировать меньшинства как своих союзников. Эти меньшинства долгое время притеснялись доминирующей группой. Доколониальный период в Азии вовсе не был эрой гармонии и равенства. Напротив, многие государства и королевства развивались на основе четкой этнической иерархии, с закрепленными различиями между «цивилизованными» группами в центре и «отсталыми» группами на периферии. Такую иерархию можно найти в Буддийских королевствах, но особенно ярко она проявляется в Китае. Здесь периодически на «законных основаниях» у меньшинств отбиралась их земля, вводились язык, религия и культура доминирующей группы, а сами меньшинства исключались из политической жизни. Поэтому не удивительно, что меньшинства успокаивались, когда колониальная администрация защищала их от притеснений доминирующей группы.

После освобождения от колониальной зависимости вновь стали проявляться элементы прежней системы иерархии. Как это ни парадоксально, но иерархические черты можно было найти даже в коммунистическом режиме Лаоса и Вьетнама. Здесь формально было заявлено о равенстве людей и культур, но на деле выявилось право «цивилизованной» группы, живущей в центре, устанавливать (практиковать) «отеческий» контроль над отсталыми периферийными народами с целью исключения любой формы их самоуправления. И если идея «цивилизаторской» миссии на Западе постепенно сходит на нет, то во многих странах Азии и Африки идея «цивилизации» окраин становится ведущей.

3. *Геополитическая безопасность.* Еще одним препятствием на пути легализации миноритарных прав является отсутствие геополитической безопасности регионов. Многие азиатские страны чувствуют себя окруженными со всех сторон соседями-врагами, которые хотят всячески ослабить их для реализации своих территориальных амбиций. В этом контексте внутренние меньшинства могут рассматриваться как потенциальная «пятая колонна», готовая сотрудничать с врагами, особенно если эти меньшинства связаны религиозными, этническими узами или политической идеологией с вражеским лагерем. Существует бесчисленное множество подобных примеров: мусульмане в Кашмире, этнические малайцы в Таиланде, китайский этнос во Вьетнаме, этнические вьетнамцы в Камбодже, тамильцы в Шри-Ланке и др.

Меньшинства также подозреваются в сотрудничестве с бывшими колониальными властями или интернациональными движениями, которые по-своему угрожают государству, как, например, международное коммунистическое движение, или, реже, интернациональное исламистское движение. Во всех таких случаях меньшинства рассматриваются как союзники или даже сотрудники сил, угрожающих государству.

Недавний мировой опыт убедительно доказывает, что азиатские государства не соглашались добровольно предоставить самоуправление миноритарным группам, которых воспринимают как потенциальную угрозу своей безопасности. Видимо, именно это является решающим фактором, объясняющим этнические конфликты в посткоммунистической Европе. Например, исторически просматривалось большое нежелание предоставить права германским этническим меньшинствам в Италии, Бельгии и Дании на основании их возможного сотрудничества с германским агрессором. Сейчас Западная Европа окружена союзниками, а не потенциальными врагами, и поэтому вопрос о лояльности меньшинств снят с повестки дня.

4. *Проблема разногласий.* Западная модель мультикультурализма реализовывалась на основе уже существующего демократического управления. Попытки плюрализации общества предпринимались в обстановке демократической стабильности и развитой рыночной экономики. Азиатская модель мультикультурализма отождествляется с процессом демократизации (сильно отличающимся от западного понимания).

Однако на путь демократии в Азии встало не так уж много государств. В начале 1980-х гг. только 5 из 26 основных политических режимов здесь были более или менее демократичны: Япония, Индия, Шри Ланка, Малайзия и Сингапур. 9 были милитаристскими диктатурами или режимами, контролируемые партиями, близкими к милитаризму (Пакистан, Бангладеш, Афганистан, Бирма, Таиланд, Индонезия, Тайвань, Филиппины и Южный Китай). 5 были самодержавными или колониальными режимами (Бруней, Бутан, Мальдивы, Непал и Гонконг). 6 были коммунистическими режимами (Китай, Северная Корея, Монголия, Вьетнам, Лаос и Камбоджа).

Сегодня, по крайней мере, еще 8 стран встали на путь демократии (Пакистан, Бангладеш, Непал, Филиппины, Тайвань, Южная Корея, Индонезия и Монголия). И даже Китай демонстрирует свою конкурентоспособность. Но эти «новые» демократии еще очень слабы и по международным меркам полностью демократическими не являются (например, Пакистан, Индонезия и т.д.). Здесь отсутствуют институты, которые могли бы обеспечить равные гражданские и политические права для каждого индивида. Кроме того, азиатские страны часто рассматривают сам процесс формирования международных правовых норм как западную технологию для ослабления восточного региона (Китай, в частности, именно так трактует западные предложения по Тибету).

И все-таки, идея о правах человека как часть процесса демократизации становится доминирующей в политических дебатах, и это вдохновляет меньшинства на свои требования. Под влиянием этих идей меньшинства начинают борьбу за утверждение своей культурной идентичности и открыто критикуют государственные попытки установления культурной гомогенизации в ущерб культурной свободе и разнообразию.

Тем не менее, попытки проведения политики мультикультурализма вызвали большие проблемы, с которыми Запад не встречался. Без установления и защиты индивидуальных гражданских и политических прав и свобод, которые для Азии не представляют ценности, миноритарные права могут способствовать созданию островов тирании (Европа в лице Великобритании столкнулась именно с такой проблемой, даже несмотря на существование демократических институтов [3, с. 38]). Это не означает, что предоставление равных прав меньшинствам будет отложено до полной демократизации стран, но все-таки, предполагается, что порядок реформ гарантирует более устойчивый результат.

5. *Кастовая система (Categorizing Minorities).* Западная модель мультикультурализма была разработана в ответ на требования отдельных групп. Здесь четко различаются местные жители, национальные меньшинства и иммигрантские группы. Такое деление отражено в международном законе о правах меньшинств и международных нормах, затрагивающих права местных аборигенов [4]. Декларация о правах коренных народов, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в сентябре 2007 г. после почти 22 лет напряженных переговоров, призвана придать новый импульс усилиям международного сообщества по разрешению проблем 370 миллионов человек, проживающих более чем в 70 странах (это более 5 тыс. языков и культур). Многие из них лишены своей земли, своего языка, традиционного образа жизни и находятся под угрозой исчезновения. Принятый документ устанавливает ряд мер защиты предста-

вителей коренных народов в области прав человека, а также мер защиты в отношении их земли и находящихся на территории их обитания ресурсов. Особо подчеркивается право коренных народов на самоопределение, землю и природные ресурсы.

Полного согласия по тексту документа государствам-членам ООН достичь не удалось. Декларацию поддержали 143 государства, четыре государства – Австралия, Канада, Новая Зеландия и США, каждое из которых имеют большой процент некоренного большинства иммигрантов – выступили против одобрения декларации, 11 стран воздержались (Азербайджан, Грузия, Россия, Украина, Бангладеш, Бутан, Бурунди, Колумбия, Кения, Нигерия, Самоа). Декларация устанавливает индивидуальные и коллективные права коренных народов, а также их права на культуру, самобытность, язык, занятость, здравоохранение, образование и другие вопросы. Кроме того, подчеркивается право коренных народов на сохранение и укрепление своих собственных институтов, культур и традиций, а также их развитие в соответствии с собственными потребностями и стремлениями.

Государства, проголосовавшие против, выражают серьезные сомнения в окончательном тексте Декларации. Канадское правительство заявило, что поддерживает «дух» декларации, но не саму декларацию, поскольку некоторые ее положения несовместимы с конституцией Канады: декларация не признает необходимость сочетания права коренных народов Канады на землю и ресурсы с правами других людей. Практически то же было сказано и Австралией: необходим только один закон для всех австралийцев и не следует закрепить в законе практики, которые неприемлемы в современном мире. Новая Зеландия считает отдельные положения Декларации принципиально несовместимыми с конституционными и правовыми механизмами государства. США даже опубликовали документ «Замечания Соединенных Штатов в связи с Декларацией о правах коренных народов» с изложением своих возражений против принятия Декларации. Большинство из этих возражений основаны на том же, что и у других стран, но, кроме того, Соединенные Штаты обратили внимание на отсутствие четкого определения термина «коренные народы». Великобритания заявила, что национальные меньшинства и другие этнические группы на территории Соединенного Королевства и его заморских территорий не подпадают под сферу коренных народов, а значит и под действие Декларации. Российскую сторону не устроили: право коренных народов на самоопределение (статья 3 проекта Декларации) и право коренных народов на земли, территории, природные ресурсы и на компенсацию (статьи 26 и 27 проекта), как противоречащие российскому законодательству (считается, что недра и полезные ископаемые в Российской Федерации – это государственная собственность). Кроме того, Декларация по коренным народам не является правовым документом, поэтому не будет иметь обязательной силы для государств и не будет налагать на правительства юридических обязательств.

Существуют также Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств, разработанная в Совете Европы Специальным комитетом по защите национальных меньшинств (САНМИН) в 1994 г. Государства, не являющиеся членами Совета Европы, могут присоединиться к этой конвенции. Основная идея конвенции заключается в том, что «защита национальных меньшинств и прав и свобод лиц, принадлежащих к этим меньшинствам, является неотъемлемой частью международной защиты прав человека и в качестве таковой является областью международного сотрудничества» [5]. В декабре 1990 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Международную Конвенцию о защите прав всех рабочих-мигрантов и членов их семей, которая вступила в силу в 2003 г., получив статус обязательного для исполнения международного закона. ООН объявила 18 декабря Международным днем мигрантов.

Однако все это актуально для Запада. В восточных государствах отсутствуют четкие критерии разделения населения, так как один и тот же народ может подпадать сразу под несколько категорий. Например, многие горные племена в Таиланде или Бангладеш должны относиться к категории «местные жители», отчасти потому, что их традиционная культура, экономика и политика маргинализации сравнима с местными аборигенами в Америке. Но, если местное население США отличает себя от

«завоевателей» их земель, то «горные племена» сами вполне могут быть недавними пришельцами и не иметь исторических прав на эту землю. Вообще региональные движения в Азии не разделяют западную идеологию «национального самоуправления», даже если для этого существуют этнокультурные основания, а понятие «мигрант-рабочий» несет иную смысловую нагрузку.

Существует еще немало отличий Азии от западных стран. Взятые вместе эти факторы демонстрируют невозможность простого копирования западной модели без учета азиатской региональной специфики. Есть страны, где западная модель вообще не соответствует условиям развития, а значит, здесь нужна альтернатива мультикультурной модели. К сожалению, альтернативные варианты чаще всего основаны или на подавлении политической мобильности меньшинств, либо на надежде, что активность меньшинств исчезнет сама по себе в результате экономического развития страны, обеспечивающего подъем образовательного уровня. Надежда достаточно сомнительная и не оправдывающаяся на практике.

Рассмотрим проявление политики мультикультурализма на примере некоторых восточных государств. Китайский подход к проблемам меньшинств основан на традициях конфуцианства и марксистских стандартах. Здесь налицо общенациональная тенденция ассимиляции малочисленных народов, проживающих на окраинах страны, в местах со слаборазвитой инфраструктурой. Такая практика выводится их «Хя-Йи» доктрины: Хя (Ханский Китай) правит, тогда как Йи (варвары, кочевники или меньшинства) подчиняются, т.е. являются субъектами правления. Соответственно Хя – центр, а Йи – периферия.

Китайская коммунистическая партия вначале официально отказывалась от этой доктрины, заменив ее положения всеобщим равноправием и правом меньшинств на самоопределение, но сама практика очень быстро восстановила аспекты традиционной иерархии. Ханское большинство закрепило за собой патерналистскую роль «старших братьев» по отношению к «отсталым» меньшинствам, а ранее провозглашаемые принципы самодетерминации и федерализма были ограничены формами локальной автономии с культурными правами. Было выделено несколько так называемых особых районов компактного проживания представителей малых народов и образованы автономии в основном как самостоятельные провинции (Тибетская автономная провинция, автономный округ Внутренняя Монголия, автономный округ Синьцзян и др.). Главная цель – удержать эти территории в качестве неотъемлемой части территории КНР. Яркой иллюстрацией такой политики служит пример Тибета.

На официальном уровне в КНР активно поддерживается доктрина китайской нации как суперэтнуса, а историческое развитие Китая как «единого многонационального государства» [1]. Здесь отсутствуют признание принципов национального самоопределения и конфедеративного государственного устройства. Национальные автономии полностью зависимы от Центра.

Приоритетное внимание уделяется формированию у граждан «государственного сознания» (государственной идентичности), оттесняя на второй план проблемы этнического самосознания. В китайской этнографии даже существует теория ассимиляции, согласно которой высокоразвитый народ, завоевывая менее развитый, способствует не только его прогрессу, но и постепенной ассимиляции. Если же народ-завоеватель слабее завоеванного народа как в цивилизационном, так и в духовном плане, он неминуемо сам растворится в завоеванном этносе [2]. Большинство ученых Китая поддерживают эту теорию. Таким образом, курс Китая скорее направлен на этномиксацию или интеграцию коренных народов, но никак не на воплощение принципов самоуправления.

Идеальным примером адаптации генеральной западной модели мультикультурализма является *Лаос*. Гражданство здесь предоставляется всем, не обращая внимания на этничность и членство в какой-либо общине. Однако, такой либеральный подход – лишь видимость, поскольку сильно ограничен рамками государственной политики. В целях контроля власти Лаоса сами определяют, что «корректно» в языковой терминологии и местной культуре, абсолютно не считаясь с субъективными групповыми верованиями, культурными традициями. Проводится так называемая политика

«нераспознавания», которая должна «увести» меньшинства от требований своей культурной идентичности. Данная политика имеет свои исторические и идеологические корни, когда за основу была взята марксистско-ленинская идея эволюции, которая гласила, что определенные группы в ходе развития сами разрушают свои культурные традиции с целью стать «развитыми и современными» [3, с. 93]. Однако марксистские формулировки были адаптированы столь парадоксально, что поддерживают множество ключевых традиционных черт доколониальной концепции социокультурного порядка в регионе. Идея, что существует значительная разница в цивилизационном развитии населения «передовых» долин и «отсталых» высокогорий глубоко укрепились в сознании элит и простого народа. Концепция развития включает в себя и буддийскую космологию, и марксистские представления, и наиболее общие положения постколониальной идеологии национализма. В таких условиях перспектива либерализации миноритарных прав, отвечающих интересам самих меньшинств, минимизирована. Однако и в этом вопросе заметны перемены. В частности, выход проблем национальных меньшинств на международный уровень благодаря усилению международных организаций и академических кругов как в самом Лаосе, так и во вне представляется началом (правда, очень медленным), придающим некоторый импульс правительственным дискуссиям по миноритарным группам. Однако, Лаосское авторитарное политическое окружение и «безопасный» подход к государственным миноритарным отношениям лимитирует степень преимуществ от этих изменений для самих меньшинств.

Не лучше обстоит дело и в так называемых антикоммунистических странах, сотрудничающих с Западом: проблема «горных племен» в Таиланде, отвергающем марксистскую идеологию, сходна с «коммунистическим» Лаосом, здесь также практикуется политика «нераспознавания» как инструмент политического контроля над населением. Западные политики настаивают на большем признании национальных прав горных племен как «местного населения», но власти Таиланда видят в таком подходе ловушку. «Горные племена» свободно перемещались вдоль границ Таиланда и Бирмы еще до демаркации национальной территории, а сегодня они оказались «разделенными» по нескольким государствам. Более того, сами «горные племена» этнически разнородны, хотя частично сходны в культурных традициях, и взаимодействуют не только между собой, но также с тай- и китаегворящими группами. Это означает, что «горные племена» не подходят ни под одну уже имеющуюся классификацию. С большими оговорками их все-таки отнесли к категории «иллигальных мигрантов», и именно в этом статусе Таиланд признал «горные племена» при условии осуществления строгого над ними контроля. Такие действия имели четко выраженную политическую направленность и отнюдь не означали проявления уважения к культурному разнообразию. По сути, данный статус узаконивает «отеческую» интервенцию с целью «цивилизаторства» отсталых племенных народов и создает основу для дискриминации против признания их полноправными тайскими гражданами.

Вариантом консоциативной демократии является мультикультурная модель в Малайзии, где существует союзное правительство трех доминирующих этногрупп – малайцев, китайцев и индийцев. В действительности такое представительство не отражает реального положения дел: малайцы наделены более предпочтительным статусом, что кроется в колониальных британских законах, которые гласили, что Британия помогает в административном попечительстве местных малайцев, поэтому имеет обязанность защищать малайскую религию и ценности [3, с. 145]. Такая политика породила консоциативную модель малайской политической гегемонии, которая хорошо работала, пока лидеры всех этнических групп были озабочены защитой постколониального статуса своей страны, для чего демонстрировали свою способность к мирной совместной деятельности. Однако, начиная с 1970 гг., правительство Национального Фронта разрушает существующую политику по отношению к меньшинствам.

Глобальное возрождение ислама и увеличение гегемонии малайской партии ИМПО внутри правительства привело к существенному усилению мусульманского малайского большинства и официальному использованию малайского языка для обучения в школах и публичного перевода. Были оставлены некоторые права мень-

шинств, однако недопустимым становится обсуждение привилегий и традиционных законов малайцев. Подобные проблемы существуют и в Индонезии, а проявление самых нелиберальных форм азиатского мультикультурализма можно увидеть в Сингапуре.

Сингапурское правительство твердо уверено, что западные модели либерально-демократического гражданства не подходят для азиатского региона. Здесь предлагается коммунитарная модель мультикультурализма, отличающаяся от индивидуалистических моделей Запада, прежде всего, различием в требованиях: коммунитарные требования не совпадают, а иногда и просто противоречат интересам индивида. Западный вариант, основанный на идее преимущества индивидуальных прав и свобод, приводит к тому, что индивид может жить в группе так долго, как это ему необходимо, и в любой момент волен уйти. Такое положение разрушает общность, так как в группе индивидуальное приносится в жертву коллективному.

Сингапурская модель мультикультурализма представляет собой особый вид «государственного коммунитаризма», адаптированного к местным условиям. Главное здесь – мирное сосуществование трех основных этнических групп – китайской, малайской и индийской. А вот статус сингапурских рабочих-мигрантов остается сомнительным. Это еще одно отличие азиатского подхода от западной практики. Восточно-азиатские страны, принимающие мигрантов, сохраняют практику перманентного статуса «второго сорта» для мигрантов, отказывая им в основных гражданских правах. Такое положение существует и в Гон Конге.

Высказывалась мысль о прямой взаимосвязи процесса демократизации и улучшения положения этнических меньшинств, однако пример наиболее демократических стран (Япония, Шри-Ланка, Бирма) опроверг данное предположение. В Японии проводится политика японской расовой гомогенности, а этнические меньшинства до сих пор остаются в состоянии маргинализации вплоть «до полного растворения» [3, с. 237]. Вопрос о правах этнических меньшинств замалчивается и всерьез не принимается. Еще большие проблемы межэтнических отношений существуют в Шри-Ланке по причине официально установленного доминирования сингалцев («Sinhalese only!» [3, с. 246]) и крайне невыгодного положения тамильского меньшинства.

Бирма демонстрирует взрывоопасное разделение Бирманского Центра и провинций, где проживает основная часть этнических меньшинств, не желающих включения в независимое Бирманское государство без гарантий федеральной автономии. Последнее было обещано, но не выполнено, что и привело к открытым мятежам со стороны меньшинств. Положение еще более ухудшилось после государственного переворота 1962 г. Сами меньшинства совсем не уверены в том, что демократизация является надежным инструментом решения этнических проблем.

Более удачный пример действенности мультикультурной модели можно увидеть в Индии, где, несмотря на попытки конструирования индонационального государства и создания Пакистана как мусульманского государства, Конституция гарантирует религиозные, лингвистические и некоторые племенные права ряду миноритарных групп. Индийская этническая политика использует инновационные формы признания, включая «асимметричный» и «многоуровневый» федерализм.

Однако пока все попытки проведения политики мультикультурализма вызвали такие проблемы, с которыми Запад не встречался: без установления индивидуальных прав и свобод, которые для Азии не представляют ценности, миноритарные права могут способствовать созданию только тирании.

На сегодняшний день можно констатировать отсутствие четкой альтернативы западным моделям. Именно поэтому последние призваны все-таки заполнить существующую лагуну концепций демократического управления культурным многообразием. Однако важнейшей задачей становится создание на базе западного варианта собственного концепта мультикультурализма, реально отвечающего потребностям азиатского континента. Для этого необходимо соотнести локальные традиции и практики, западные принципы мультикультурной модели и международные нормы прав меньшинств. В перспективе это может вывести на создание новой азиатской модели мультикультурализма.

Список литературы

1. Булдакова В. Национальная политика КНР в отношении малочисленных народов / В. Булдакова. – Режим доступа: www.analitika.org, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
2. Попова И. Ф. Внутренняя и национальная политика КНР/ И. Ф. Попова. – Режим доступа: www.assamblea.kg, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
3. Kymlicka W. Multiculturalism in Asia / W. Kymlicka, B. He. – N.Y. : Oxford University Press, 2005.
4. UN Draft Declaration on the Rights of Indigenous Peoples (Декларация о правах коренных народов). – Режим доступа: www.iwgia.org, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
5. Режим доступа: www.un.org, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

**ОБРАЗ ЕВНУХА В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ:
ГЕНДЕРНЫЙ СТАТУС И КУЛЬТУРНАЯ ФУНКЦИЯ**

Э.А. Саракаева, В.А. Любимова
(Россия, Астрахань)

Данная статья посвящена рассмотрению такой институциональной гендерной девиации, присущей классической китайской культуре, как евнухи. В фокус внимания попадают как традиционное, так и современное художественное прочтение этого образа, а также причины его негативной оценки. В статье последовательно развивается тезис, что отношение общества к данной социальной группе объясняется преимущественно гендерными стереотипами самого общества, а не особенностями или политической ролью евнухов.

This article is devoted to a specific institutional gender deviance inherent in classical Chinese culture – eunuchs. It focuses both on traditional and contemporary artistic interpretation of the image, as well as the reasons for its negative assessment. The article develops the thesis that society's attitude towards this particular social group is mainly due to gender stereotypes of society itself, not the idiosyncrasies or the political role of the eunuchs.

Ключевые слова: гендерные девиации, евнухи, угрожаемые ценности, гендерная идентичность, культурная функция, гендерный статус, маскулинность.

Key words: gender deviance, the eunuchs, threatened values, gender identity, cultural function, gender status, masculinity.

Среди факторов, определяющих гендерный статус человека, важнейшее место принадлежит его биологическому полу и выполняемым им семейным и общественным функциям, которые в данной культуре воспринимаются как мужские или женские. В тех нечастых случаях, когда индивид по собственному выбору или под гнетом обстоятельств принимает на себя несвойственные ему функции и поведенческие стереотипы, происходит уникальное явление – расщепление половой и гендерной идентичностей человека. Такие случаи мы рассматриваем как гендерные девиации.

Китайская история и культура содержат, помимо прочих, своеобразную гендерную девиацию, укорененную в быту и традиции настолько глубоко, что это дает основания говорить о ней как об институционализованной девиации. Это евнухи – скопцы, обслуживавшие императорский двор и дворцы принцев и князей. Претерпев кастрацию, китайские евнухи теряли свойственную им от рождения половую принадлежность, не приобретая никакой иной. Подобным же образом, при взаимодействии с окружающим миром им предписывался особый способ вести и презентовать себя – ни мужской, ни женский. Но даже это превращение в некий искусственный «третий пол» было неполным, так как, не будучи мужчинами в глазах окружающих, евнухи, тем не менее, выполняли иногда сугубо мужские общественные функции, в том числе занимали позиции, связанные с огромной экономической, политической и даже военной властью.

Это создавало глубокую и весьма трагичную двойственность. С одной стороны, как мы уже говорили, евнухи были девиацией институциональной, привычной, даже обязательной, с точки зрения китайского менталитета имперского времени. С другой – их гендерный статус отличался крайней нестабильностью, колеблясь иногда в зависимости от прихотей правящего монарха, в разные исторические отрезки он то приближался к мужскому статусу, то отдалялся от него. Мы утверждаем, что эта неста-